

«Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI столетий

Взаимоотношения Русского государства с Казанским ханством являлись существенным элементом в международных отношениях региона. В них постепенно втягивалось все большее число государств Восточной Европы: Крымское ханство, Турция, Астраханское ханство и Великое княжество Литовское. Не последнюю роль среди них играла и Ногайская Орда, кочевое сообщество, образовавшееся на территории Западного Дешт-и Кипчака в конце XV – начале XVI века [Трепавлов, 2000, с.90–139].

Правители (бии) Ногайской Орды, ведущие род от знаменитого эмира Идигея и принадлежавшие к мощной родо-племенной группировке мангытов, вели традиционно активную брачную политику. Именно благодаря бракам они и оказались втянуты в русско-казанские отношения.

После смерти хана Ибрагима в Казани сложилась достаточно запутанная династическая ситуация: на престол могли претендовать его сыновья от разных жен, вокруг которых складывались группировки казанской знати. В это противостояние оказались втянуты сопредельные страны. На стороне одного из претендентов – Мухаммад-Амина – выступило Крымское ханство, что обуславливалось тем, что его мать, – ханбике Нур-султан, вышла после смерти хана Ибрагима за хана Менгли-Гирея [Некрасов, 2000, с.214]. Учитывая, что Крымское ханство и Русское государство с 1480 г. были связаны военно-политическим союзом [Собрание, 1894, № 2–4], кандидатуру Мухаммад-Амина поддержал и великий князь Иван III. Соперничал с сыном Нур-султан, другой сын хана Ибрагима – Илгам, имевший поддержку у ногаев, благодаря своей женитьбе на дочери ногайского мирзы Ямгурчи – Каракуш [Трепавлов, 2000, с.136]. С 1484 по 1487 годы шла упорная борьба между претендентами, в которую вмешивались Русское государство и Ногайская Орда. В июле 1487 г. Илгам был окончательно смещен и на престол возвели Мухаммад-Амина. Семья проигравшего была вывезена в Россию, часть его сторонников бежала в степь [Разрядная, 1966, с.20; Соловьев, 1989, с.68; Худяков, 1996, с.565].

Последнее обстоятельство должно было вызвать реакцию родни жены Илгاما: ногайских мирз Ямгурчи и его брата Мусы. Сначала ногаи стали оказывать военное давление на нового казанского хана, но после того как Мухаммад-Амин посватался к Мусе, в Ногайской Орде уже не было консолидированной позиции и в итоге в 1489 г. в Москву прибыло представительное посольство. Представители ногайских мирз Ямгурчи, Мусы, Алача и сибирского хана Ибака, сюзерена Ногайской Орды, требовали освобождения Илгاما и его родни [Сборники, 1884, с.83–85; Посольские, 1995, с. 27]. Русские дипломаты решительно отменили эти требования, более того, за участие в набегах на казанские и русские укрепы арестовали посла Ямгурчи – Тувача. Выход из наметившегося кризиса представлялся московским политикам в прекращении нападений, освобождении пленных и признании власти Мухаммад-Амина. Ко всему прочему, были заморожены брачные переговоры с Мусой до той поры, пока ногаи не признают нового казанского хана [Посольская, 1984, с.28–29, 34–39]. Жесткая позиция великокняжеской дипломатии вынудила ногаев признать сложившиеся реалии в регионе, и в течение 1490 г. оформился русско-ногайский союз. Вместе с тем, противоречия по казанскому вопросу в двусторонних отношениях до конца не были преодолены. Однако в Москве разблокировали брачные казанско-ногайские переговоры, о чем незамедлительно сообщили хану Мухаммад-Амину.

В результате успехов 1490 г. Ногайская Орда, по справедливому замечанию К.В.Базилевича, «...постепенно включалась в орбиту московской политики» [Базилевич, 2001, с.220], но сохранившийся «негативный багаж» отношений по «казанскому вопросу» делал этот успех зыбким.

На рубеже 1491 – 1492 гг. в Ногайской Орде началась внутривластная борьба, которая завершилась победой Ямгурчи и вынужденной откочевкой сторонника союза с Москвой и Мухаммад-Амином Мусы в «Туркмен». При поддержке Ямгурчи Казань захватил сибирский царевич Мамук, а Мухаммад-Амин бежал в Россию. Впрочем, правление его не было долгим, в итоге заговора казанской знати он лишился власти, а на казанский престол, при поддержке великого князя Ивана III, взошел брат Мухаммад-Амина – Абдул-Латиф [Моисеев, 2007, с.52–63].

Эта рокировка на престоле вызвала общее недовольство ногайской знати. И Ямгурчи, и Муса лишились влияния на Казань, так как их дочери Каракуш ранее в 1487 г. и Фатима в 1496 г. вместе с их мужьями лишились казанского престола. Ногаи начали военное давление на Казань, под-

держивая кандидатуры сибирских султанов. В 1500 г. ногаи осадили Казань, но военное предприятие братьев Мусы и Ямгурчи закончилось неудачей [Полное, 1853, с.46; Полное, 1901, с.253; Иоасафовская, 1957, с.141; Алишев, 1995, с.49; Трепавлов, 2000, с.137]. Провал военной линии внешней политики ногаев вынудил их вернуться к дипломатическим переговорам. 18 ноября 1501 г. в Москву прибыло представительное ногайское посольство. Материалов переговоров в ногайских посольских книгах не сохранилось. Оставшаяся отсылка к казанским тетрадам «Абдыл-Летифого царства» указывает, что в основном переговоры касались «казанского вопроса». Летописная ремарка, что посольство было о «любви», позволяет предположить, что переговоры были посвящены восстановлению мирных русско-ногайских отношений. Дополнить наши представления о переговорах 1501 г. позволяет текст наказа русскому послу в Крымское ханство А.Г.Заболотскому (направлен в марте 1502 г.) ногаи обязывались Ивана III «...другу другом быти, а недругу недругом», землям и людям великого князя «лиха ни какова не чинити», последнее положение распространялось и на Казанское ханство. Вероятно, в 1501 г. русско-ногайские отношения закономерно увенчались шертованием. Это наше мнение подтверждается и последующим упоминанием итогов переговоров 1501 г. в русско-ногайской дипломатической переписке. Ближайшим следствием шертования ногаев стала очередная рокировка казанского хана: Абдул-Латифа на престоле сменил его старший брат Мухаммад-Амин, за которого перед этим выдали вдову Илгана – Каракушь, дочь Ямгурчи [Полное, 1853, с.47; Полное, 1901, с.254–255; Сборники, 1884, с.386; Посольская, 1984, с.52–56; Казанская, 1954, с.280; Худяков, 1996, с.565; Бахтин, 1998, с.65].

К сожалению, наступившая стабильность оказалась временной – уже в 1504 г. русские дипломаты предъявили ногайским послам претензии в фактах насилия над русскими подданными в степи. В 1505 г. при непосредственном участии ногаев произошел антирусский мятеж. Последовавшая за тем война не принесла успеха ни одной из противоборствующих сторон. Казанское ханство заключило антимосковский союз с Великим княжеством Литовским, к которому решило присоединиться и Крымское ханство [Книга посольская, 1838, с.22, 33, 37, 43–44, 63]. Русская сторона, в свою очередь, перешла к политике дипломатического давления, частью которой была изоляция Казанского ханства от ногаев [Посольская, 1984, с.54, 55–56; Полное, 1901, с.259; Полное, 2000, с.2–3; Казанская, 1954, с.280, 282, 284; Базилевич, 2001, с.480]. Сын Мусы – Алчагир – в ответ предлагал себя как посредника в урегулировании русско-казанского противостояния [Посольская, 1984, с.57]. Противостояние с Казанью после ряда безуспешных военных демонстраций с обеих сторон завершилось возобновлением мирных отношений, посредством шертования казанского хана в марте 1507 г. [Соловьев, 1989, с.212–213], что было сделано, по всей видимости, без ногайского посредничества.

В 1508 г. «казанский вопрос» вновь был возбужден в переговорах с сибирским султаном Ак Курдом, проживавшим в Ногайской Орде. Султан пытался выпросить у великого князя Василия III себе Казань или Касимов. Впрочем, не смотря на поддержку Саид-Ахмеда, Ак Курду отказали [Посольские, 1995, с.77]. После этого «казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях не фигурировал, что было связано с прекращением самих дипломатических контактов.

В начале XVI века Ногайская Орда пережила цепь трагических событий. Сначала жестокая междоусобица, а затем казахское нашествие похоронили суверенитет этой степной державы, знать в большинстве своем нашла приют в Крымском ханстве. В 1522 г. крымский хан Мухаммад-Гирей, при поддержке ногаев, захватил Астрахань, но этот успех амбициозного Гирея оказался последним. Ногаи составили заговор и убили и самого хана, и большинство его войска. После этого ногайская конница обрушилась на Крымский полуостров, подвергая ханство тотальному разграблению [РГАДА, ф.89, оп.1, кн.1, л.257 об.–258, 260, 261, 263–263 об.; РГАДА, ф.123, оп.1, кн.6, л.3–4, 49 об.–50; Полное, 2000, с.37, 43; Тихомиров, 1945, с.300; Трепавлов, 2000, с.166].

В результате этих событий русско-ногайские отношения по инициативе Ногайской Орды возродились. Первоначально они развивались в мирном ключе, но в 1530 г. между Русским государством и Ногайской Ордой вспыхнул новый конфликт вновь связанный с противоречиями по «казанскому вопросу» [Моисеев, 2007, с.90–96]. После военного столкновения летом 1530 г. казанцы начали мирные переговоры с Москвой, торпедированные в итоге ханом Сафа-Гиреем. В результате в мае 1531 г. произошел мятеж и Сафа-Гирей бежал из города. Его жену казанцы отослали обратно к ее отцу – ногайскому мирзе Мамаю. После этих событий на престол вззошел русский ставленник – Джан-Али [Полное, 2000, с.20; Полное, 2005, с.407–410]. Такой поворот событий в русско-казанских отношениях спровоцировал кризис в русско-ногайских отношениях, сопровождавшийся не только прекращением контактов, но и военными столкновениями [Моисеев, 2005, с.414–422].

Противостояние России и Ногайской Орды достигло своего апогея в конце лета – начале осени 1533 г., когда ногайский отряд напал на Мещерские укрaines и даже осаждал некий город, возможно Касимов [Моисеев, 2005, с.417]. После смерти Василия III ногайская элита (кроме Мамаю) решила приостановить эскалацию конфликта [Посольские, 1995, с.94, 96, 97], надеясь извлечь политические дивиденды из факта малолетства Ивана IV. Казанское правительство Джан-Али начало с ногаями брачные переговоры, которые после получения одобрения от великокняжеских дипломатов увенчались успехом. Новый хан женился на дочери ногайского мирзы Юсуфа – знаменитой Сююм-бике [Полное, 2005 с. 416]. В результате этого интересы весьма влиятельного мирзы Мамаю [Трепавлов, 2000, с.150–151, 166, 188–189] были ущемлены. Более того, бий орды не двусмысленно высказался о поддержке Джан-Али перед казанским посольством в Ногайскую Орду [Посольские, 1995, с.128–129]. Впрочем, стабилизация русско-ногайских отношений по «казанскому вопросу» оказалась недолгой. В сентябре 1535 г. в результате сговора Мамаю, Юсуфа и казанской знати Джан-Али был убит, а на престол вернулся Сафа-Гирей [Полное, 2000, с.88; Беляков, Моисеев, 2004, с.34]. С возвратом Сафа-Гирея русско-казанское противостояние возобновилось, но Ногайская Орда в конфликте серьезного участия не приняла. Подобная позиция в немалой степени объясняется тем, что Саид-Ахмед был более озабочен борьбой за изменение статуса русско-ногайских отношений, признание за собой титула хана и увеличение «поминок» [Трепавлов, 2000, с.186–233].

Начиная с 1536 г., более активную роль в русско-ногайских отношениях стали играть мирзы правого крыла орды, кочевавшие в междуречье Волги и Яика. Они начали проводить политику сближения с Русским государством через «голову» бия¹. В кочевьях этих мирз укрылись противники хана Сафа-Гирея и именно они в первую очередь заинтересовали правительство Елены Глинской [Посольские, 1995, с. 189]. Вместе с тем наметившееся сближение с мирзами правого крыла Ногайской Орды было весьма хрупким. С одной стороны, они были готовы оказывать помощь Русскому государству в обеспечении безопасности «крымской укрaines», препятствовать антирусским действиям бия, более того ряд мирз был готов принять участие в русско-казанском конфликте (и даже уже принимал); с другой – они стремились навязать Москве свои требования, среди которых были улучшение качества и увеличение количества «поминок» [Посольские, 1995, с.135–138, 184–187, 190–192; Моисеев, 2011, с.22–24].

В целом, говоря об особой политике мирз правого (западного) крыла Ногайской Орды, нельзя не отметить, что она имеет черты широко известной политики «крымского аукциона». Наличие конфликта в регионе позволяло им надеяться на дополнительные дивиденды: политические или экономические. Так, встретив с явным непониманием нежелание московских властей пойти на повышение «поминок» и освобождение ногаев, плененных в результате отражения нападения на укрaines, Кель-Мухаммад, глава западного крыла, уведомляет своих северных партнеров, что в его услугах весьма заинтересованы в Казани [Посольские, 1995 с.190]. Соответственно нельзя переоценивать эту наметившуюся геополитическую ориентацию западного крыла Ногайской Орды на Россию и придавать ей большее значение, чем она имела на самом деле. Сама эта ориентация стала следствием внутреннего развития крыльевой структуры Ногайской Орды, где каждое крыло имело свои задачи и обладало весьма широкими правами для их реализации.

Русско-ногайские переговоры 1530-х гг. не принесли очевидных решений в «казанском вопросе». Образовалось некое дипломатическое равновесие, которое не препятствовало развитию конфликта, в котором ногаи принимали участие на условиях независимой силы, готовой поддержать любую из конфликтующих сторон. Так, если в 1536 г. часть мирз напала на казанцев, то в 1540 г. ногайский отряд принял участие в походе казанского хана Сафа-Гирея в походе на Русское государство [Полное, 2000, с.135]. В 1541 г. ногайские отряды приняли участие в походе крымского хана Сахиб-Гирея на Русское государство [Полное, 2000, с.137, 138]. Однако стоит учитывать, что все эти факты не были следствием политики всей политической элиты орды, а скорее носили характер частной инициативы тех или иных мирз. В любом случае отношения между Ногайской Ордой и Россией продолжали поддерживаться.

¹ Первоначально исследователи локализовывали эту группу мирз, как кочевавших по правому берегу Волги [Перетяткович, 1877, с.134–135, 143, 180; Шмидт, 1954, с.212; Шмидт, 1977, с.49; Шмидт, 1999, с.120]. В последнее время В.В.Трепавлову удалось значительно уточнить это положение. По своей структуре Ногайская Орда являлась классическим кочевым государством: два крыла и центр. Таким образом, мирзы, кочевавшие на берегу Волги – это устойчивая группа западного (правого) крыла [Трепавлов, 2000, с.186–197].

В русско-казанских отношениях же наступил очевидный кризис: ни одна из сторон не считала нужным перевести конфликт в переговорное русло. В результате в 1545 г. началась известная «казанская война». Позиция Ногайской Орды в ней претерпела очевидное развитие, связанное с состоянием дел в ногайско-казанских и ногайско-крымских отношениях. В 1547 г. крымский хан Сахиб-Гирей захватил Астраханское ханство и объявил ногаев своими вассалами. Эта политика расстроила ногайско-крымские отношения. Ногаи негодовали фактом разорения крымскими войсками Астрахани, в свою очередь, ногайская элита предъявила крымцам претензии на днепровские кочевья. Противоречия двух держав в Нижнем Поволжье достигли высшей точки, в Крыму даже ожидали нападения ногаев [РГАДА, ф.123, оп.1, кн.9, л.53, 57–57 об.].

За осложнением в ногайско-крымских отношениях наступили проблемы и в связях орды с Казанью. В 1545 г. Сафа-Гирей сместили с казанского престола, в поисках военной помощи он прибыл в Ногайскую Орду к своему тестю Юсуфу. В обмен на обещание отдать ногаям Горную и Арскую стороны он получил ногайский отряд. В залог твердости своих обещаний Сафа-Гирей со своими соратниками оставил Юсуфу свои гаремы и детей [РГАДА, ф.127, оп.1, кн.4, л.44]. Однако, получив казанский престол и вернув семьи себе, Сафа-Гирей позабыл свои щедрые обещания. Такой поворот событий расстроил ногайско-казанские отношения. Юсуф и сыновья решили объединиться с Москвой против Казанского ханства, смерть же Сафа-Гирей зимой 1549 г. только укрепила их в этом отношении [РГАДА, ф.127, оп.1, кн.4, л.45 об.–46 об.]. Внешнеполитические круги Русского государства сразу ухватились за открывавшиеся возможности. В феврале 1549 г. в орду отправился опытный дипломат И.Б.Федцов. Одной из задач его миссии были переговоры с казанскими эмигрантами, организация их выезда из Ногайской Орды в Русское государство [Посольские, 1995, с.276].

В целом, ногайско-казанские отношения переживали явное охлаждение. Именно Ногайская Орда выступала инициатором ряда мер, направленных на изоляцию Казани от Крымского ханства. Такая позиция диктовалась не в последнюю очередь опасениями за будущее дочери Юсуфа Сююмбике и её сына Утямыш. Дело в том, что казанцы первоначально хотели видеть на престоле старшего сына Сафа-Гирей – Буляк-Гирей за которым и послали в Крым, Сахиб-Гирей, крымский хан, прочил на казанский престол Девлет-Гирей, которого просил у турецкого султана прислать в Казань. По информации русских дипломатов в Казань отправлялся из Крыма Эмин-Гирей. Естественно, такая активность крымцев ущемляла права на престол малолетнего Утямыш и его матери Сююмбике. Именно поэтому Юсуф призывал русские власти стеречь «крымскую дорогу», а из Москвы предлагали ему ждуть у Переволоки Эмин-Гирей. Для того же, чтобы обезопасить положение дочери и внука в том случае, если русские поставят на казанский престол Шах-Али, Юсуф предлагал выдать ее за Шах-Али. Но не только интересы дочери волновали ногайского бия: его сыну Юнусу ранее Сафа-Гирей обещал мангытское княжение в Казани. Как известно, Сафа не выполнил своих обещаний, а самостоятельные попытки добиться обещанного не принесли успеха. В результате ногайские аристократы выразили редкое единодушие в «казанском вопросе», запланировав на осень 1549 г. поход на Казань и предлагали русским совместное военное планирование [Посольские, 1995, с.293–294, 298, 304; РГАДА, ф.127, оп.1, кн.4, л.45 об.; Смирнов, 2005, с.317; Худяков, 1995, с.615].

В октябре 1549 г. в Русском государстве стало известно о нападениях ногаев на Казань. В эту борьбу оказалось вовлечено большинство мирз западного крыла Ногайской Орды [Посольские, 1995, с.308–315]. Такое давление на Казань вскоре принесло свои результаты. В орде стало известно, что крымский хан отказался прислать казанцам султана на престол, и казанские аристократы были вынуждены начать переговоры с Юсуфом. Сначала их содержание в Москве не знали, но декабрьское посольство Юсуфа сделало его очевидным. Бий сообщал о том, что в Казани у него есть дочь и «племя», вероятно, имея в виду своего внука Утямыш. Он заверял царя Ивана Васильевича, что может приказать казанцам прекратить войну с Русским государством. В случае их отказа Юсуф предлагал совершить совместный поход летом 1550 г., а пока просил царя отложить военные действия [Посольские, 1995, с.327]. И так, Юсуфу удалось отстоять владельческие права дочери и внука, и он готов прекратить войну с Казанью. Однако Русское государство с таким развитием событий не согласилось, так как признание прав на престол за Утямышем мало удовлетворяли его интересы. Война продолжилась [РГАДА, ф.127, оп.1, кн.4, л.17 об., 32 об.–33, 37 об., 51, 52–52 об., 66 об., 75, 77].

Ногайская Орда, оказавшись лицом к лицу с решимостью Москвы довести «казанскую войну» до конца, предпочла устраниваться от конфликта. Только Юсуф не хотел смириться с царской политикой, большинство же мирз заявляло о своем нежелании поддерживать обреченное ханство, более того, сыновья самого Юсуфа предлагали русскому государству планирование совместных походов на Казанское ханство [Беляков, Моисеев, 2004, с.35–36].

В результате Казанское ханство осталось без союзников, режим Сююм-бике, опиравшийся на поддержку Кучак-оглана, пал. 11 августа 1551 г. казанцы выдали её с сыном русским, 5 сентября того же года она была в Москве. Этот факт привел к тому, что ногаи начали просить её отправить на родину. Однако русские дипломаты отказали им в этом: в мае 1552 г. ее, опираясь на ранее высказанные пожелания ее же отца, а так же на правило левирата, выдали за Шах-Али [Полное, 2000, с.167; Бахтин, 2003, с.159; Моисеев, 2006, с.497–499]. Путь назад, в степь стал для нее закрыт, но последний акт драмы русско-казанского противостояния еще не был дописан.

Восшествие Шах-Али на казанский престол ожидаемого успокоения не принесло. Казанская знать была возмущена тем, что Горная сторона, имевшая сравнительно высокий уровень хозяйственного развития, отошла к России. Шах-Али, впрочем, так же остался недоволен этим решением московского сюзерена. Все это, помноженное на взаимную неприязнь и подозрительность, создавало угрозу стабильности нового режима в Казани. Уже в ноябре 1551 г. Шах-Али вскрыл заговор казанской знати и обрушил на нее жестокие репрессии. Часть казанской знати была готова вообще упразднить институт ханства и передать бразды правления русским. 6 марта 1552 г. Шах-Али покинул Казань, а кн. С.И.Микулинский начал процедуру приведения населения ханства к присяге. Но уже через несколько дней казанцы заперли ворота перед царской администрацией и приготовились к решительному бою. Одним из вдохновителей мятежа был Чапкун-бек, хорошо известный русскому правительству: ведь еще 7–8 марта 1552 г. он представлял интересы Москвы в Казани [Моисеев, 2006, с.499, прим. 115].

Подобные резкие перемены всколыхнули и Россию, и Ногайскую Орду. Перед ногаями открывалась возможность вновь разыграть «казанскую» карту своей политики. Для того, чтобы легитимизировать свое правление, в Казани переворотчикам был необходим Чингизид. Ближайшим местом, где его можно было найти, оставалась Ногайская Орда [Моисеев, 2006, с.484–504]. Оставалось его получить.

В июле 1552 г. казанцы начали переговоры с ногаями о посылке к ним султана. Пока русские гонцы находились в ставке Юсуфа послы переворотчиков ничего не добились. Однако, как доносил гонец С.Тутаев, султан пошел без юсуфова «ведома» в сопровождении незначительного ногайского отряда, возглавляемого мирзой Джан-Мухаммадом (Дзейнеш – рус. источников). Так на престол взошел Ядгар-Мухаммад. По мысли ногаев он являлся компромиссной фигурой и должен был примирить русских с казанцами [РГАДА, ф.127, оп.1, кн.4, л.131об.–132, 134–134об., 139–139 об., 141, 141 об.]. Однако этот сценарий событий не был реализован, следует признать: и русские, и казанцы были решительно настроены на военные действия.

Во время последнего похода на Казань русское военное командование опасалось нападения ногаев, но они, в конце концов, устранились от русско-казанского конфликта. Незначительный «ногайский корпус», принявший участие в обороне Казани представляется собранием добровольцев, судьба которых мало волновала ногайскую верхушку [Моисеев, 2006, с.498–499].

В итоге падение Казани ногаями было воспринято спокойно, русский царь получил поздравления с победой от большинства ногайских мирз [РГАДА, ф.127, оп.1, кн.4, л.167 об., 168 об.], Юсуф же с его призывами обрушить меч мщения на русских остался в одиночестве [РГАДА, ф.127, оп.1, кн.4, л.182].

В целом, русско-ногайские отношения на протяжении конца XV – 1-ой пол. XVI века были прочно связаны с «казанским вопросом». Один из важнейших элементов дипломатии ногаев в Казани – это брачные союзы. Именно они во многом определяли вектор ногайской политики в регионе. Постепенно проявился и второй фактор – игра ногаев на противоречиях между Казанью и Москвой, аналогичная знаменитому «крымскому аукциону». Однако усиление влияния Русского государства на Среднее Поволжье привело к ослаблению позиций Ногайской Орды. В итоге, на последнем этапе существования независимого Казанского ханства ногаи самоустранились из русско-казанских отношений, оставив Казань наедине с надвигающейся Россией.

Список источников и литературы

Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.

Базилевич, 2001 – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001.

Бахтин, 1998 – Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.

Бахтин, 2003 – Бахтин А.Г. Горная сторона в системе русско-казанских отношений XV–XVI вв. // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003.

- Беляков, Моисеев, 2004 – Беляков А.В., Моисеев М.В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сборник научных работ. Рязань, 2004. Т.5. Иоасафовская, 1957 – Иоасафовская летопись. М., 1957.
- Казанская, 1954 – Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примечания Г.Н.Моисеевой. М.Л., 1954.
- Книга посольская, 1838 – Книга посольская Великого княжества Литовского (1506 г.) // Сборник князя Оболенского. Москва. 1838. № 1.
- Моисеев, 2005 – Моисеев М.В. Касимов, «Мещерские места» в русско-ногайских отношениях XVI столетия // Третьи Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конф. Рязань, 12–15 октября 2004 г. / Отв. ред. Т.В.Ерошина. Рязань, 2005.
- Моисеев, 2006 – Моисеев М.В. Выезд «татар» и восточная политика России в XVI веке // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006.
- Моисеев, 2007 – Моисеев М.В. Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 гг.): Дисс. канд. ист. наук. М., 2007.
- Моисеев, 2011 – Моисеев М.В. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. 2011. № 4. Сер. «История и Политология».
- Некрасов, 2000 – Некрасов А.М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-кор. РАН А.П.Новосельцева. М., 2000.
- Перетяткович, 1877 – Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
- Посольская, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984.
- Посольские, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
- Полное, 1853 – Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1853. Т.6.
- Полное, 1901 – ПСРЛ. СПб., 1901. Т.12.
- Полное, 2000 – ПСРЛ. М., 2000. Т.13.
- Полное, 2005 – ПСРЛ. М., 2005. Т.20.
- Разрядная, 1966 – Разрядная книга 1475 – 1598 гг. / Подг. текста, введ. статья и ред. В.И.Буганова. М., 1966.
- РГАДА. Ф.89 (Сношения России с Турцией). Оп.1. Кн.1,6;
- РГАДА. Ф.123 (Сношения России с Крымом). Оп.1. Кн.9;
- РГАДА. Ф.127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп.1. Кн.4.
- Сборники, 1884 – Сборники императорского Русского исторического общества. СПб., 1884. Т.41.
- Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. М., 2005. Т.1.
- Собрание, 1894 – Собрание Государевых грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1894. Ч. 5.
- Соловьев, 1989 – Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн.3. Т.5.
- Тихомиров, 1945 – Тихомиров М.Н. Из «Владимирского летописца» // Исторические записки. Т.15. М., 1945.
- Трепавлов, 2000 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2000.
- Худяков, 1996 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996.
- Шмидт, 1954 – Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1954. Т.6.
- Шмидт, 1977 – Шмидт С.О. Восточная политика Российского государства в середине XVI века и казанская война // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Труды Чувашского НИИ. Чебоксары, 1977. Вып. 71.
- Шмидт, 1999 – Шмидт С.О. Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999.